

Промышленное перевооружение Токио в войне чипов

С точки зрения Акихиро Окады из крупнейшей японской газеты с тиражом порядка 10 млн копий “Ёмиури Симбун”, *«многие страны вступают в эру дипломатической войны за полупроводники»*. В этом противостоянии в 1980-е гг. Япония и США оказались по разные стороны баррикад. Как считают Окада и Сатоси Нохара, ныне ответственный за стратегию в сфере полупроводников в Министерстве экономики, торговли и промышленности (METI), Токио *«неправильно понял начало противостояния»* с Вашингтоном, оценивая его как *«расширение прежних торговых споров»* вокруг текстильного и автомобильного секторов. В США, наоборот, падение производительности в отрасли полупроводников сочли *«угрозой национальной безопасности»*. В качестве ответа, утверждает Нохара, Вашингтон перенял японскую промышленную политику, проводимую Министерством промышленности и международной торговли (MITI, *цусё-сангё-сё*), в 2001 г. переформированным в METI, хотя и критиковал её как нечестную.

Окада и Нохара согласны в том, что Вашингтон *«обхитрил»* Токио, сумев с 1986-го по 1996 г. навязать два соглашения, содержавшие статьи о доступе к японскому рынку для иностранных производителей и о возможности фиксации цен – это способствовало скорому снижению доли Японии на рынке полупроводников, сократившейся с 50 до нынешних 9–10 %. С точки зрения Нохары, если соглашение о полупроводниках и не было *«единственным фактором упадка японских предприятий, то оно стало началом их падения»*.

“Враг моего врага”

Окада вспоминает акт уравнивания, проведённый группами Кремниевой долины и одобренный Вашингтоном, о нём же рассказывает Крис Миллер в книге *“Chip War”* (2022): это было открытие *«второго фронта»* против Японии. Смысл операции состоял в поддержке *«усилий Южной Кореи по производству дешёвых чипов»*, в том числе за счёт низких заработных плат, чтобы *«подорвать стратегию японских групп продавать по низкой цене»* благодаря государственным субсидиям. *«Простая логика»* – *«враг моего врага – мой друг»* – позволила Вашингтону сконцентрироваться на продуктах с высокой добавленной стоимостью и победить в международной конкуренции, а Южной Корее, Тайваню, а теперь и Китаю – утвердиться в качестве крупных мировых производителей. По мнению Окады, Токио *«был наивен»* и в результате не разработал *«комплексную национальную стратегию»* в сфере полупроводников, в отличие от Штатов, из-за чего *«потерял 25 лет»*.

В своём исследовании Миллер подтверждает, что Кремниевая долина и круги *«военно-промышленного комплекса»* ощущали угрозу. Была запущена крупная лоббистская кампания против промышленной политики и субсидий японского государства и основного инструмента их разработки и реализации – MITI, главного архитектора *«экономического чуда»* 1949–1980 гг. Но поражение Токио в *«войне чипов»*, подчёркивает Миллер, было обусловлено также банковским кризисом, либерализацией торговли иенами, замедлением демографического роста и, наконец, вторжением китайского гиганта.

Сегодня, пишет Миллер, у групп Кремниевой долины читается *«в глазах страх»* перед перспективой Китая, который в силу своей величины способен скопировать японскую модель производства полупроводников и *«изменить мировые торговые потоки»*, стать *«и крупнейшим конкурентом, и крупнейшим клиентом»* технологических групп США. Последние отмечают как американскую, так и китайскую зависимость от *«экосистемы полупроводников»*, глобализированной и *«смещённой в Азию»*, учитывая крупную концентрацию там цепочек поставок и сильно взаимозависимых рынков. Американские группы будут готовы пойти на *«умиротворение Пекина»*, если он ограничит собственные амбиции *«выкроить себе часть этой экосистемы»*, но будут враждебны к Поднебесной, если она захочет выйти из неё или создать китаеццентричную систему.

Если не случится *«катастрофических событий»* вроде *«крупного военного конфликта»* в Азии, Миллер исключает возможность технологического *«декаплинга»*. Он напоминает, что индустрия полупроводников была первой, воспользовавшейся азиатским бассейном рабочей силы с его избытком крестьян: они не располагали профсоюзной силой и были *«готовы поменять работу в рисовых полях на место на фабрике за один доллар в день»*. В мире ещё много крестьян, которых можно нанять на различные производства сектора *хай-*

тек, но пуповину между Кремниевой долиной и азиатским бассейном обрезать будет трудно, учитывая колоссальные объёмы инвестиций. Эта материальная связь имеет политико-стратегическое измерение; как и в случае Тайваня, она также является продуктом высокой специализации производства. С конца войны во Вьетнаме в экономики азиатских держав направился *«американский физический капитал»* как дополнительная *«гарантия безопасности»* от политических колебаний Вашингтона. Это является косвенным предупреждением о стратегических последствиях поиска *декаплинга*.

“Рис промышленности”

Как пишет *Financial Times*, ссылаясь на мнение функционеров администрации Байдена, доктрина технологического отвержения Китая, продвигаемая Вашингтоном, нацелена не только на отказ от передовых продуктов. Помня о японском прецеденте, Штаты намерены открыть второй или даже третий фронт против Пекина, культивируя конкурентов в производстве с малой и средней добавленной стоимостью – например, в таких странах, как Вьетнам, куда Южная Корея переместила всё своё производство смартфонов, или Индия. Наконец, Вашингтон хочет воспользоваться и прежними врагами, в первую очередь Японией.

Окада обращает внимание, что *«жестокая война чипов, которую США ведут против Китая»*, предоставляет Токио возможность возродить отечественное производство полупроводников, если *«оседлать волну геополитических изменений»*. Эта линия основывается на двух элементах: во-первых, на менее асимметричных в сравнении с 1980 гг. военных отношениях с Вашингтоном; во-вторых, на “ящике инструментов” промышленной политики METI, которую премьер Фумио Кисида целиком поддержал и интегрирует в японский аналог немецкой *Zeitenwende*. В отличие от провалившихся попыток промышленной реструктуризации конца 1990-х – 2000-х гг., которые, с точки зрения “Ёмиури”, породили *«коалиции проигравших»*, сегодня национальные и стратегические интересы Токио и Вашингтона совпадают: США работают с Японией, чтобы сдерживать *«общего китайского соперника»*.

Директор отдела Азии в Институте Монтеня Матьё Дюшатель отмечает: согласно тексту стратегии METI по полупроводникам, представленной в июне 2021 года, чипы – это *«рис промышленности»*, они *«необходимы и незаменимы для всех индустрий»*. По мнению Дюшателя, выражение *«рис промышленности»* (*сангё ё май*) совмещает *«выживаемость и гордость страны»*: все нуждаются в рисе, чтобы выживать, но по качеству именно японский рис – один из лучших в мире. Японская точка зрения основывается на рисках, которые геополитическое соперничество создаёт для доступа к *«жизненно важным элементам»* национальной экономики. Япония, считает Дюшатель, идёт западным путём, однако в отличие от ЕС, который фокусируется на *«стратегической автономии»*, в видении Токио акцент ставится на *«относительной силе Японии в международной экономике»* и необходимости обеспечить себя средствами для *«противостояния геополитическим ударным волнам»*.

Можно заметить, как в рамках своего *экономического перевооружения* Токио выкладывает из кармана примерно 40 млрд долл. на разработку ракетного *«контратакующего потенциала»*. Как пишет *Financial Times*, Япония накопила определённое преимущество перед США и ЕС, начав в 2021 г. с помощью субсидий культивировать возведение на своей территории американскими и тайваньскими группами – в синергии с крупными отечественными группами – предприятий по разработке и производству полупроводников. Вероятно, внесут свой вклад и обновлённые отношения с Сеулом.

Немецкие корни “генерального штаба экономики”

В своём тексте по истории MITI американец Чалмерс Джонсон находит корни ведомства в начале 1920-х гг.: Министерство торговли и промышленности (MCI), подразделение Министерства сельского хозяйства, располагало функцией представительства интересов промышленников. Функционерами MCI были в основном выпускники *Тодай*, имперского университета Токио, где преобладало немецкое юридическое образование. Формулы и инструменты японского дирижизма были основаны на опыте Веймарской республики –

впоследствии он будет перенят и нацистским режимом, – а также на первых пятилетках СССР и “Новом курсе” США.

Экспериментальным полигоном стало индустриальное развитие Маньчжурии с 1931 г. Здесь в поисках *«генерального штаба экономики»*, способного рационализировать индустриальное развитие, благоволя тяжёлой промышленности, технократы дали зелёный свет союзу интересов с армией. С точки зрения *«консервативных модернистов»* МСИ, среди которых значился Нобусукэ Киси, дед Синдзо Абэ, маньчжурское развитие должно было быть функциональным для рационализации японской экономики, а также служить мотором и моделью развития континентального Китая (Johnson C., *“MITI and the Japanese Miracle”*, 1982; Mimura J., *“Planning for Empire”*, 2011).

Сумма нестабильности и экономического кризиса десятилетия 1920–1930 гг., война в Китае и, наконец, вступление во вторую мировую войну определили формулы и инструменты того, что Джонсон называет японским *«государством развития»* и азиатской моделью, которые поддержат экономическое восстановление Токио после 1945 г. Как ни парадоксально, произойдёт это в том числе благодаря серии американских политических мер, которые позволили сохранить *«институциональную преемственность»* государственной технократии Токио.

Азиатистский национализм MITI

Смысл вот в чём: уменьшая вес вооружённых сил и пытаясь ликвидировать старые *дзайбацу*, которые считались опорой довоенного милитаризма, Вашингтон таким образом устранял соперников и противовесы технократам MITI, образованного в 1949 г. Последние установили новый консенсус с Министерством финансов, ЦБ и крупными индустриальными группами вокруг *«национальной мобилизации»* ради послевоенной реконструкции. На американскую позицию оказывали влияние, во-первых, стратегические соображения, сформировавшиеся в 1949–1950 гг., когда победа маоистов в Китае и начало войны в Корее потребовали заручиться поддержкой японской бюрократии; во-вторых, лоббирование со стороны американских финансовых групп, заинтересованных в экономическом восстановлении Токио (Dower J. W., *“Embracing Defeat”*, 1999).

С точки зрения Джонсона, MITI, расцениваемое как сильно *«националистическое и протекционистское»*, всегда проявляло азиатистские позиции, было сторонником регионализма, который включал бы и Китай. Свою линию министерство проводило, используя в том числе связи с Пекином через *«антисистемные силы»*, настроенные на сотрудничество с Китаем, а именно соцпартию и компартию Японии (*“Japan–China Relations in the Modern Era”*, 2017).

Традиционная китайская формула *«нанесения поражения близким варварам с помощью дальних варваров»*¹ является частью и японской традиции. В так называемом *новом вашингтонском консенсусе*, сформулированном советником президента США по национальной безопасности Джейком Салливаном, присутствует одобрение политики, которую в 1980–1990 гг. Соединённые Штаты подорвали, используя в том числе китайскую связь. Так что можно говорить не столько о сближении США и Японии, сколько о наложении интересов – и совсем не без оговорок.

Июль – август 2023 г.

¹ - Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014. С. 87.